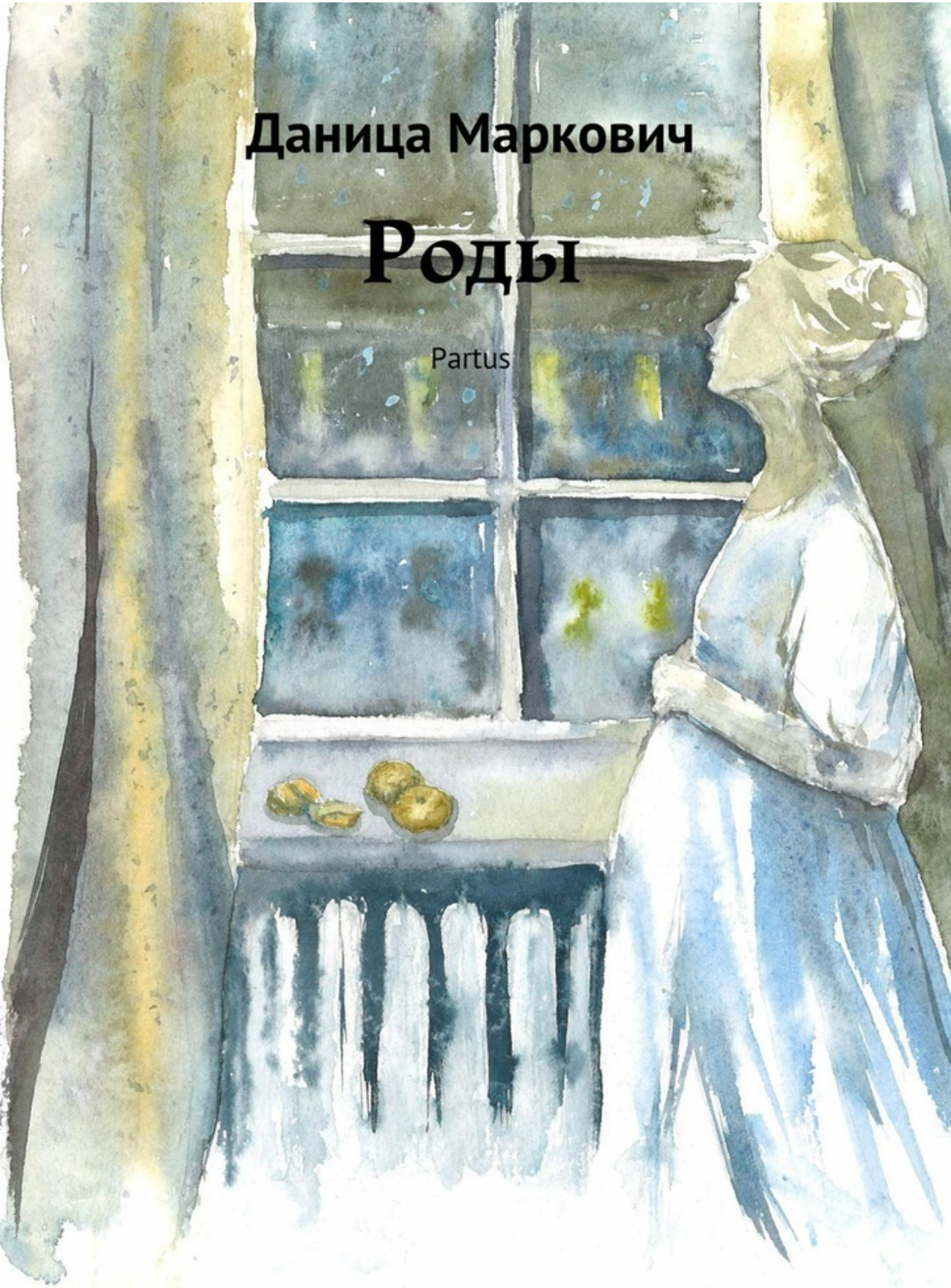

Даница Маркович

Роды

Partus

Даница Маркович

Роды. Partus

«Издательские решения»

Маркович Д.

Роды. Partus / Д. Маркович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837176-9

Представляем русскоязычному читателю удивительно светлый роман сербской писательницы Даницы Маркович. В палате белградского роддома несколько рожениц, медсестер и врачей встречают новое тысячелетие. За стенами роддома тяжелое для Сербии время, оно звучит в разговорах персонажей и прорывается сквозь стены больницы. Но, как говорит Даница: «Вопреки всему дети все-таки рождаются». Ее героини понимают, что их задача — подарить новую жизнь, даже когда их собственную жизнь предали.

ISBN 978-5-44-837176-9

© Маркович Д.
© Издательские решения

Содержание

А вы хотели бы знать, что есть истина?	6
Что было вначале?	7
Обливание	7
Признание	13
Зов	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Роды Partus

Даница Маркович

© Даница Маркович, 2017

© Олеся Банович, перевод, 2017

© Антонина Курносенко, иллюстрации, 2017

Редактор Ольга Симонова

ISBN 978-5-4483-7176-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается моим долгожданным детям – Андрею, Софии и Страхине,
истинным героям всех историй*

Partus, us, n, lat. нем. Geburt, Entbindung, Niederkunft, Kre~en; англ. delivery, child-birth, labor; фр. delivrance, accouchment, naissance; ital. parto; рус. роды; sr. porođaj, rađanje, rođenje

Partus agrippinus, m.lat. роды при тазовом предлежании плода

Partus immaturus, m.lat. «незрелые» роды,

Partus maturus, m.lat. своевременные роды

Partus praecipitatus, m.lat. стремительные роды

Partus praematurus, m.lat. преждевременные роды

Partus serotinus, m.lat. запоздалые роды

Partus siccus, m.lat. сухие роды

А вы хотели бы знать, что есть истина?

Действие происходит в больничной палате номер 39.

Это женская палата. Здесь намного интереснее, чем в мужской.

В отделении патологии беременных акушерской клиники Белграда всего за один день можно увидеть и услышать столько, сколько не увидишь и не услышишь ни в одной казарме за весь срок военной службы.

Женщины в беде, находясь рядом друг с другом, сближаются за одну ночь.

Если бы не боль и страх, никто не говорил бы незнакомым людям сокровенные, смешные и грустные слова. Здесь говорят обо всем, ведь свидетели – только белые стены.

Словно в водовороте огромной реки, где смешивается вода из разных источников, несколько женщин оказываются в новой истории, встречая вместе Новый год.

Это была не обычная новогодняя ночь. Ожидалось наступление нового тысячелетия.

По такому поводу медицинские сестры перевели всех женщин в одну палату и перенесли туда телевизор, чтобы они смогли посмотреть праздничную передачу и устроить праздничный ужин.

Здесь – только пациентки скорой помощи или больные с осложнениями, которых пока не могут выписать.

Женские больницы – странные места.

Хотя нельзя сказать, что у нас всё идёт не так, как надо.

Дети всё же рождаются.

Что было вначале?

Обливание

«Потерпите, потерпите ещё немного», – сквозь зубы повторяла Мира, обращаясь к нагруженным продуктами пакетам, которые она несла.

В последний рабочий день года было слякотно, на дорогах собирались пробки.

«Я же обещала себе, что больше не буду много покупать. Но эти отпускные! Ждала их каждый день, а получила как раз сегодня, в такую погоду!» – продолжала свой монолог Мира, неся большой, туго набитый полиэтиленовый пакет – того и гляди лопнет.

Другой рукой она придерживала второй пакет, внутри которого виднелись рулоны туалетной бумаги нежно-розового цвета.

«Может, подхватить пакет снизу?» – подумала Мира, чувствуя, как полиэтилен предательски выскальзывает у неё из-под пальцев. «Это мне в наказание, потому что я пожадничала и не купила те жёлтые пакеты, которые покрепче. Да вот ещё, платить этим мошенникам! Я не позволю им обдирать меня на каждом шагу!» – сказала она, удерживая пакет обеими руками.

Маленькая элегантная сумка из чёрной кожи соскользнула с её плеча и ударилась о пакет. Из неё вылетела неумело запакованная коробочка со шприцами для палаты номер 39 и упала прямо в лужу на тротуаре. Дождь, как назло, усилился.

Мира наклонилась, чтобы поднять сумку, решив бросить коробочку. Пакет словно этого и ждал и сразу лопнул. По тротуару и улице разлетелись лимоны. Мимо, словно реактивный самолет, пролетел спортивный автомобиль, облив водой из лужи стоящую на тротуаре Миру с головы до пят.

Вода стекала по её лицу, а завитые накануне локоны стали похожи на мочалку. Мира заплатила пятьсот динаров за эту «водяную» укладку, сделанную в преддверии новогодней ночи. Её светлые волосы пахли дождём и краской для волос.

«Сволочи!» – крикнула она вслед автомобилю. «Это из-за вас у нас все разваливается, папенькины сынки! Когда-нибудь вы за это заплатите!»

Мира посмотрела в витрину, рядом с которой она остановилась. Вид у неё был смешной. В отражении стекла она встретила глазами с насмешливым и дружелюбным взглядом усатого мужчины, стоящего прямо за ней. Он, наверное, всё видел и слышал, подумала Мира, покраснев.

Высокий мужчина с усами стоял рядом, словно заслоняя её от улицы. В руках он держал несколько собранных лимонов.

– Это ваше! – дружелюбно сказал мужчина и помог ей придержать остатки пакета, в который Мира пыталась сложить испачканные вещи, поднятые с тротуара.

Мира молча кивнула. Она была настолько удивлена, что даже рта не раскрыла, чтобы его поблагодарить. Мира чувствовала не столько стыд, сколько растерянность. Она вспомнила, что постоянно видела этого мужчину, когда с ней что-нибудь происходило. Прошлой зимой Мира поскользнулась и упала, и тот же мужчина подошёл к ней и подал ей руку. Когда в подъезде её дома кого-то ограбили, он и тогда был там. Может быть, он полицейский?

Мира спокойно, с достоинством отвернулась от усатого, не проронив ни слова, по-женски проворно собрала грязные вещи в мокрый пакет и не спеша пошла к пешеходному переходу. Старомодный каблук на её сапожках, которые она носила ещё со времен училища, отклеился от намокшей кожаной подошвы и начал хлопать. Но Мира, не задерживаясь, почти насмешливо пошла дальше.

Сквозь запотевшие стекла автобуса пассажиры с удивлением смотрели на женщину, стоящую у светофора.

«Словно медведя увидели!» – с облегчением подумала Мира и начала неестественно медленно переходить улицу.

«Я – укротительница дождя», – подумала Мира упрямо. – «Э-то смеш-но!» – декламировала она в ритме шагов.

Автобус бешено рванул на зелёный свет, всколыхнув огромную лужу.

Мира беспечно улыбнулась. Как же человек зависим от всех этих атмосферных явлений! А всё потому, что он отдалился от природы!

«Дождь – совершенно естественное явление. Хотя, по правде говоря, сейчас должен идти снег. А ведь сказали, что сегодня выпадет снег».

Мира вскинула голову движением, которое выдавало в ней бывшую красавицу.

«И совсем не страшно промокнуть и быть мокрой и грязной, это даже весело. Это лучшее из того, что произошло со мной сегодня».

Она не смогла бы расслабиться и выйти из стресса другим способом. «Будь беспечной, расслабься, иди домой, приготовь кофе». Решения следовали одно за другим.

«Порвался пакет, машина облила водой из лужи – какая ерунда! Как будто это смертельно! Та машина вообще могла меня сбить!»

Ей не было холодно: «Ничего страшного!»

«Даже если на меня выльют бочку воды, мне всё равно!» – повторяла Мира, направляясь к своему дому.

У входа в подъезд она столкнулась с соседом. Он придержал дверь, чтобы дать Мире пройти, но намеренно встал так, чтобы задеть её грудь. Искра с сигареты, которую сосед держал во рту, упала на его клетчатое пальто.

– Кто же это вас так облил, соседушка? – попытался пошутить сосед, отгоняя в сторону дым, а вместе с ним и свой затхлый запах. – Наверное, надо вас обсушить и обогреть. А то я смотрю, это некому сделать, – продолжил он.

Мира повернулась к соседу и поняла, что хорошее настроение, завладевшее ею после того, как автомобиль окатил её водой из лужи, быстро улетучивалось. Она резко, с нажимом, спросила:

– А что делает твоя жена? Бьет баклуши?

– Мадам, не надо сразу злиться, я просто спросил, – сказал сосед насмешливо. – Вам ведь тяжело без мужского плеча.

Мира посмотрела на него.

– Слушай ты, кобель! Вот что я тебе скажу – иди ублажай себя сам! – взъярилась она. – Это нетрудно, ты только наклонись пониже.

Мира подумала, что когда-нибудь она действительно ударит соседа ногой в пах. Она хотела сделать это с того самого дня, когда сосед начал рассказывать всем соседям по подъезду и во дворе, как он устанавливал Мире телефон. Он усмехался и рассуждал, какими страстными могут быть женщины, у которых давно никого не было.

Миру охватила слабость. Она ощутила брезгливость и дурноту. И какой-то сладковатый запах, будивший воспоминания об унижении. И усталость.

Мрачный коридор погасил её порыв, навеванный дождем. Мира вошла в холодную квартиру.

«Да я уже привыкла к дуракам», – мелькнула у неё мысль.

Мира разложила на столе мокрые покупки. Бумажные тарелки с клоунами и салфетки не намокли. Ей казалось, что эти клоуны развеселят пациенток из палаты номер 39. В другом пакете было раскрошенное печенье. Сыр и колбаса уцелели. Мира хотела испечь пирог с луком-

пореем и тмином и подогреть его на больничной кухне. Но сейчас она подумала, что вряд ли успеет это сделать.

«Не знаю, как женщины всё это выдерживают», – подумала Мира, думая о своей работе. Она была главной медсестрой гинекологическо-акушерской клиники.

«Если бы я была замужем, мне пришлось бы и за мужем ухаживать. Что тогда?!» – подумала Мира и решила, что ей неплохо и одной, без лишних обязанностей. «А если бы у меня был кто-нибудь? Пришлось бы ходить по салонам, делать макияж, педикюр, эпиляцию... Ещё и на свидания ходить. А сколько всё это стоит! Я и так ничего не успеваю». Мира остановилась, а затем резко повернулась в сторону балкона: – «Да пропади оно пропадом!» Она побежала туда, чтобы внести одеяло, которое в то утро оставила проветриваться под ярким солнцем. Подскочив на балконе, Мира поскользнулась и упала.

Она в отчаянии ударила кулаком о балконные ограждения и засмеялась над собой.

Мира вернулась в комнату, неся тяжёлое намокшее одеяло, неуклюже опустила его на пол и села на ковер.

Она пыталась взглянуть на ситуацию со стороны и не воспринимать ее всерьёз. Обычно это помогало. Надо взглянуть на ситуацию с позитивной точки зрения! Ведь столько людей в данный момент голодают и не имеют крыши над головой...

«Мы ощущаем себя маленькими и ничтожными по сравнению с Космосом. Наши проблемы кажутся смешными. Мы вновь достигаем равновесия. На самом деле это очень просто!

Когда-нибудь всё это пройдёт, просто я очень устала» – подумала Мира.

Не помогло. Сегодня Мира не могла сконцентрироваться, чтобы нейтрализовать события и достичь гармонии, как её учили на занятиях йогой.

Глубокий вдох.

Мира обняла себя за плечи и притихла, закрыв глаза и пытаясь убежать от всего. Она тосковала по надёжному прибежищу, по утешению, недоступному для большинства людей. Вспомнила о своей больной матери, которая когда-то лежала на кровати на кухне с выходящим во двор окном.

Окно было украшено кружевным подзором, который мать связала своими руками. Оно всегда было открыто и выходило во двор, который они делили с тремя соседними домишками. Все соседи могли подойти к окну, заглянуть в комнату, или же сидели на скамейке рядом со старой шелковицей, откуда доносился аромат послеобеденного кофе.

«Кофе!» – кричала тётя Анка, и все собирались за столом, в тени шелковицы, словно под стенами городской крепости, у земляного обрыва Бежании¹.

Они жили в маленьких домиках рядом с Тошиным Бунаром² спокойно, по-провинциальному. В мире, в котором все уважали и заботились друг о друге.

Рядом со школой дети играли в мяч на мостовой, по которой не проезжали машины.

Детство Миры закончилось неожиданно, когда погиб её отец.

Мира как раз была на выпускном вечере, когда сообщили, что на заводе случился пожар и есть жертвы.

После этого всё стало происходить очень быстро.

На похоронах Мира чувствовала себя торжественно. Она не плакала. Отец был офицером запаса, поэтому на похоронах играла военная музыка, под которую провожают генералов. Потом солдаты дали торжественный залп из ружей. Прогрели выстрелы. Стоя над могилой, серьёзные люди в военной форме вспоминали её отца добрым словом. Мира гордилась отцом и всё время думала о том, что бы он сказал, если бы узнал, что его ожидает такой конец. Мире казалось, что она ничего не знала из того, что другие люди говорили о её отце. Для неё он

¹ Бежания – район Белграда.

² Тошин-Бунар – улица в Белграде.

был просто папой. Солдаты опустили гроб в яму. Мира и мать держались друг за друга. Воцарилась тишина, которую прерывали лишь воробьи, шумно ссорясь в кустах и нарушая торжественность похорон.

Вот и сейчас птицы вернули Миру в реальность. Они пронеслись над городом в низком полёте, изредка вскрикивая. Над окном собиралось свинцовое облако надвигающегося холода.

«Чёрные стаи сменились белыми», – подумала Мира. Ей нравилось вести себя как в кино и разговаривать вслух, когда она нервничала. И если слова звучали глупо и банально, она тут же смеялась и подтрунивала над собой, словно беседовала с лучшей подругой или наивной младшей сестрой. «Да кому какое дело до их цвета, пусть себе летят».

Сегодня, накануне Нового года, этот слякотный день не дал ей ни одного шанса убежать от грусти.

В проветренной квартире стало очень холодно. Миру охватил озноб, и она накинула одеяло на худые плечи.

Именно тогда всё это и началось. В мыслях она вернулась к умирающей матери, вспомнив её сморщенное серое лицо. Мать когда-то была крупной женщиной, работала счетоводом в только что открывшемся «Меркаторе»³ и очень гордилась этим. До тех пор, пока ей не сообщили о гибели мужа.

В том же месяце они получили результаты обязательной рентгенографии, которую тогда делали в смешных маленьких автобусах, припаркованных возле тротуара.

Не верилось, что те мини-автобусы могли решить чью-то судьбу. Мира всегда думала, что такой диагноз могут поставить только в больших больницах с бетонными стенами, где доктор вызывает тебя и говорит: «Мы должны вам кое-что сказать. Речь идёт о вашей матери. Она ничего не знает, но вы должны знать. Вам придётся подписать эти бумаги, хоть вы и несовершеннолетняя. Вы единственный член её семьи, больше у неё никого нет. Ваша мать умирает от неизлечимой болезни». Хуже всего, что Мира это подписала. Мать «разрезали и зашили», после чего выписали из больницы под присмотр ребёнка, едва созревшей пятнадцатилетней дочери. Наверное, именно поэтому Мира поступила в медицинское училище.

– Будешь жить для других, дочка, – сказала ей мать. Она говорила о девушке, которая смотрит смерти в глаза и остаётся в этом мире совершенно одна. Мать не могла проронить ни слезинки, скрывая от дочери сильные боли, и только вздыхала, лёжа в комнате. Дочь слышала её плач в своём сердце, словно надвигающийся страх, который не давал ей ни сна, ни покоя.

Мира не спала ночами, вскакивая от каждого шороха и прижимая мать к себе. От раны на груди матери неприятно пахло, но дочь не обращала на это внимания, судорожно обнимая мать и молясь, чтобы боль отступила. Иногда Мира ненадолго засыпала, лежа одна в темноте, с открытыми глазами, застывшими и неподвижными.

Оконные стекла сияли, словно насмехаясь над ними. Фонтанчик, в котором во время летней духоты плескались дети, теперь стоял спокойно и терпеливо, словно поджидая кого-то. Мира прислушивалась, предчувствуя приход незнакомца в чёрном одеянии, который напьётся над холодным камнем и унесёт с собой то, что ему принадлежит.

В конце лета, когда затих плеск дворового фонтанчика, Мира неожиданно повзрослела. Это время стало для неё моментом встречи со смертью самого близкого ей человека на Земле.

Мира встречалась со смертью ночью. Смерть приходила в облике большого чёрного мотылька, который нападал тихо и незаметно. Он опускался ей на лицо, расправлял большие крылья и прикивал к коже, пытаясь протиснуться, пройти сквозь кожу и добраться до души, чтобы задушить её, утопить в клейкой смоле.

Перед рассветом мотылек улетал, распавшись на чёрные лепестки.

³ «Меркатор» – имеется в виду торговый центр и крытый рынок Старый Меркатор, расположенный на территории муниципалитета Новый Белград.

Днём Мира вытесняла страх постоянной заботой о матери и работой по дому.

Мира сбросила влажное одеяло и придвинулась к окну, чтобы увидеть небо. Птицы появлялись над городом, словно грустные мысли, которые беспорядочно роятся в голове. Они летели размеренно и безучастно, ничего не зная о страданиях одной женщины.

«Вы спросите, знала ли я? Конечно, я все десять лет знала, что он не разведётся и не оставит семью. Знала, что он никогда не хотел ребёнка, которого я хотела ему родить. Когда он ушёл из больницы и получил повышение, то сменил и главную медсестру». Мира смиренно посмотрела на стаю птиц: «Да кому я всё это говорю! Вы же просто глупые птицы с птичьими мозгами». Мира посмотрелась в зеркало, висящее на стене, примеряя на себя роль страдальницы. В последние несколько месяцев по телевизору крутили один итальянский сериал, действие которого тоже происходило в больнице. В нём была роль, похожая на её собственную судьбу.

Это был всего лишь момент жалости к себе в той роли, которую Мира играла и репетировала, иногда полностью погружаясь в неё. Каждый день с ней происходила какая-нибудь несправедливость. Когда Мира разрешала себе пожаловаться и поплакать над своей судьбой, она словно смотрела новую серию. «Всё под контролем», – думала она, пила кофе, выкуривала сигарету, и, засучив рукава, начинала всё сначала. Люди ошибаются, когда говорят, что телевизионные сериалы – чепуха. «Чепуха?! Да в моей жизни происходит то же самое, что и в этих сериалах. И не только в моей». Мира вспомнила о своей подруге, к которой недавно вернулся её парень и признал ребёнка своим, хотя вначале сомневался. А теперь они уже ждут второго.

«Было бы легче, если бы погода была хорошая», – подумала Мира, наблюдая в окно за окончанием холодного декабрьского дня. И в мыслях снова вернулась к матери и ее словам: «Ты будешь жить для других».

Мира боролась за каждого больного, словно одержимая. Полностью отдавала себя дружбе. С мужчинами, которых она выбирала, Мира вела себя так, будто боролась не на жизнь, а на смерть.

«Это не засчитывается в стаж!» – перебирала воспоминания Мира. Её первый парень был врачом-интерном. Мира обстирывала его и гладила ему вещи, записывала его на экзамены и готовила обеды, пока он готовился к сдаче квалификационного экзамена. А потом он неожиданно уехал из города. Второй не был врачом, жил неподалёку. Мира провожала и дожидалась его с дороги, как мужа. Он бросил её, женился на другой. Потом были длительные отношения с женатым мужчиной, врачом в её больнице. Они работали вместе, в одном отделении. Потом он ушёл. Сменил больницу, жену. Сменил и любовницу.

Мать умерла в погожий сентябрьский день, когда шелковица оделась в осенний наряд, а двор был освещён солнцем. В окно вливался аромат сливового повидла, которое варили прямо во дворе, на дровах, в больших кастрюлях. Пахло углями и печёным болгарским перцем, по двору разносился кислотоватый запах помидоров, кипящих в армейских котелках. Весь двор варился и кипел. Мама умерла после обеда, прямо перед тем, как пришло время пить кофе под шелковицей. Только кофе так и не успели подать. Никто не ожидал прихода смерти в такое время – обычно умирают ночью, а не в озарённый солнечным светом осенний день.

Мама просто уснула, почти спокойно и без боли. Мира услышала только глубокий вздох или зевок и спросила: «Что, мама?» И лишь потом, когда Мира подошла укрыть мать, она увидела, что та уже упокоилась.

Ей не осталось ничего, кроме воспоминаний. Вместе с мамой перестал существовать целый мир. Вскоре после её смерти их домишки снесли, а улицу перекопали.

Каждый год, в день смерти матери, Мира брала отпуск. Она шла на продуктовый рынок, покупала болгарский перец и помидоры, иногда сливы. Открывала балкон и целыми днями варила запасы на зиму и закручивала банки. Вся улица на Дорчол⁴ начинала благоухать. Кому-

⁴ Дорчол – один из старейших районов Белграда, расположенный недалеко от центра города.

то это не нравилось. «Воняет, как в пригороде», – говорили какие-то дамы. Мира купила у беженцев дровяную плиту и топила ее «Политикой»⁵. Это раздражало соседей. Запах горелых газет и печёного болгарского перца напоминал Мире о матери и Бежании.

Каждый год одно и то же, в то же время.

После этого Мира успокаивалась.

Ей показалось, что она вспомнила об этом потому, что у неё снизился уровень сахара в крови. Мира обрадовалась, что можно открыть новую банку сливового повидла. Может, приготовить пациенткам рулет с этим повидлом?

Мира съела целую банку повидла, как любая женщина «на нервах», продрогшая и мечтающая о любви.

«Зиму нельзя прогнать словами. А у меня в сердце зима». Поникшая Мира перебралась на кухню. Ей уже не было дела до своих пустых заявлений. Теперь Мира чувствовала себя жалкой. Ей не хватало теплых объятий, она словно отреклась от собственного тела. Мира подтянула колени к груди и обняла их руками. Маленькие тёплые груди заныли. «Для чего они?» – спросила она себя. Мире казалось, что она уже забыла о прикосновениях мужской кожи к своему измождённому телу.

Она посмотрела на свои некрасиво выступающие косточки на стопах и подумала: «Да какая разница».

Подавленная, наедине с собой, вышедшая из роли.

«Если бы у меня был щенок! Но ему нужно время, внимание, любовь. Ради чего бы он сидел дома целыми днями? Только ради того, чтобы согреть мне ноги, когда я приду с работы уставшей?»

«Побыстрее бы прошел этот ужасный день!» – подумала Мира в тот вечер перед сном. Она закуталась в три одеяла, чтобы не чувствовать себя такой одинокой.

Завтра будет новый день и Новый год. В больнице будет много работы. Это было последнее, о чём подумала Мира прежде, чем заснуть.

В полумраке прохладной комнаты танцевали тени включённого телевизора с приглушённым звуком.

Мира заснула, не досмотрев до конца тридцать третью серию любимого сериала.

⁵ «Политика» – ежедневная политическая газета в Сербии.

Признание

Когда Неманя был маленьким, всё было просто.

А весной он впервые спросил Дару:

– Кто мой папа?

Дара растерянно пробормотала:

– Я пока не могу тебе этого сказать.

– Не можешь? – вскрикнул сын и выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

Так между ними началась война.

Годами Дара обманывала его. Говорила ему полуправду, не рассказывала всего. Сначала говорила, что папа живёт в Америке. Потом – что он не может приехать, потому что не служил в армии. Однажды Дара пыталась убедить Неманю, что его отца, возможно, уже нет в живых. Она говорила, что его отец заболел и она уже долгое время ничего о нём не слышала. Якобы он был в гуманитарной экспедиции в Африке, помогал детям, и там тяжело заболел. И с тех пор от него ни слуху, ни духу!

Когда Неманя был маленьким, выдумывать было легче. Пока Дара рассказывала ему такие истории, отец мог быть для него кем угодно, от принца до лётчика. Сын рос, и мать остановилась на полуправде, сказав, что его отец – врач, а о том, где он живёт, выражалась неопределенно. В действительности отец жил всего лишь в километре от своего сына.

Дара спокойно жила до недавнего времени, пока Неманя не начал задавать конкретные вопросы. Он стал злым, неуверенным в себе и растерянным. Дара боялась, что сын отдалится от неё.

Сложно было притворяться, будто бы всё в порядке. Каждое утро сын встречал Дару взглядом, полным презрения. Всматриваясь за обедом в его лицо, Дара читала в его глазах упрёк и даже отвращение.

– Ты можешь не чавкать во время еды? – прерывал он обед своим ворчанием. Неманя смотрел на её рот и пожелтевшие зубы, поэтому Дара и жевала еле-еле. – Почему ты не сходишь к зубному? – спросил Неманя вместо того, чтобы снова вспылить. Он думал о том, почему его мать выглядит неряшливой и не такой ухоженной, как другие женщины.

Из-за этого Даре кусок в горло не лез. Она прекращала есть. Дара вставала из-за стола и уходила на кухню будто бы для того, чтобы выпить воды, и там задыхалась от слёз и беспомощности.

Неманя часто провоцировал её своими грубыми ответами. Дара сдерживалась, как могла.

Ситуация ухудшилась, когда его обозвал школьный приятель, который, получив встрепку, сказал Немане: «Ты жалкий выродок!»

После этого Неманя начал открыто упрекать мать.

Ночью Дара просыпалась и прислушивалась, как Неманя ворочается во сне. Она следила за его сном и всегда знала, когда сын не спит. Дара ждала, пока Неманя заснет, почти не дыша, чтобы слышать каждый его вдох. Когда он успокаивался и начинал дышать равномерно, Дара уже не могла заснуть до самого рассвета.

Дара вспомнила, сколько раз она сама мысленно упрекала свою мать за её простоватость и неухоженность.

Какое заблуждение: верить в то, что ты будешь лучше своих родителей, и тебя не коснется осуждение собственного ребёнка!

Когда-то давно Дара стала презирать своих родителей.

Она верила, что станет лучше них.

Что рассказать Немане о его отце?

Закрыв глаза, Дара и по сей день вздрагивала при одной лишь мысли о нём.

Лучше всего она помнила его выбритое лицо, мягкое и гладкое, с ароматом «особого» парфюма, мужского, терпкого, с запахом табака и лимона. Дара часами не мыла руки и лицо, чтобы вдыхать тот запах, оставшийся после расставания. Она приносила его на свою подушку, в скромно обставленную комнатку в студенческом городке. Лежа на той подушке, Дара могла целыми днями предаваться мечтам. Она вспоминала блеск аккуратно приглаженных русых волос и брильянтина. Как он поднимал бровь, когда обращался к ней. Движение его руки, когда он брал Дару за подбородок и приближал её лицо к своим жадным губам, своё погружение в его ладони и запахи, тепло. Накрахмаленную рубашку, белеющую в темноте. Дару охватывал стыд, когда она вспоминала о загрубевшем, шершавом лице своего отца, царапавшем ей кожу при расставании, когда она обнимала его перед отъездом на учёбу. Они молчали, но Дара знала, что именно хочет сказать ей испуганный отец и сколько надежд он возлагает на её поездку. Ей было стыдно за то, что отец так верил в неё. За его грязные сапоги, за исцарапанные руки, потрескавшихся на холоде, с ногтями, под которыми виднелась земля. Дара помнила, что она начала стыдиться своих родителей, когда вернулась домой на праздники. Она тогда задумалась: а что бы подумал Он, если бы привез её на своём автомобиле к деревенскому дому по грязной дороге? Что бы подумал, если бы увидел её мать в повязанном на голову платке? Когда Дара вернулась в город, ей ещё несколько дней мерещились следы грязи на её дешёвых сапожках, и казалось, что все об этом знают, а он может это увидеть.

Может, все эти годы, пока рос Неманя, Дара поступала неправильно, когда отказывалась от своей жизни и всех её радостей? Все её радости и заботы были в работе и сыне.

Дара жила воспоминаниями. Когда ночи были слишком долгими, она могла возвращаться в воспоминания снова и снова. В белую ароматную постель в его красиво обставленной комнате, где Дара стыдилась себя. Её стыд только усилился, когда она запачкала постель кровью. Вместо того, чтобы подумать, что это должно льстить Ему, Дара начала извиняться.

Даре становилось нехорошо, когда она вспоминала своего отца. Ей казалось, что она предала и покинула его. Она уже тогда была почти уверена, что не вернется в деревню.

Будет ли Даре не хватать солнца на западе, куда выходило окно её комнаты? Она росла в безопасности. Дара помнила ручей, который даже зимой журчал под снегом, а рядом с домом, у дороги, из холма била ледяная вода, превращаясь в длинные сосульки, которые блестели на солнце и были похожи на хрусталь. Весной холм жил своей жизнью, покрываясь разноцветными лепестками, окружёнными кустами крапивы. Птицы вили на холме свои гнёзда. Летом здесь росла ежевика, а осенью – шиповник. Это был весь Дарин мир, в котором проходили её дни счастья и стремлений в ожидании жизни, пока она росла и училась, глядя в безоблачное небо.

Дара лежала в кровати и вспоминала родной дом, а на окно падали капли дождя вперемешку со снегом, окрашенным городской пылью.

Снег Дариного детства таял от печного дыма. Её зимы превращались в долгий путь до школы и обратно. Домой она возвращалась уже затемно. Уроки при свете свечи, долгие мечты в темноте, перед сном. Она жила совсем не так, как её сын. Деревенские дети ходили пешком и не боялись волков. Больше всего Дара боялась не оправдать надежд родителей. Боялась обмануть их ожидания. Первый ребёнок, девочка, которую родила её мать, вскоре умерла, и Дара стала для родителей единственной надеждой. Мать больше не могла родить.

Родители были простыми людьми, и им пришлось продать землю, чтобы Дара могла учиться. «Женщина должна учиться, чтобы её уважали», – говорил ей отец, а мать соглашалась с ним. Они сделали всё, чтобы наставить единственную дочь на правильный путь.

А она их разочаровала!

Рухнули планы о том, что Дара станет сельским врачом. Во втором семестре она бросила учебу из-за беременности.

Была зима, как сейчас. Каникулы. Дара приехала домой на пару дней. Она лежала в девичьей комнате на отглаженной белой льняной простыне со старинными кружевами, закутавшись в шерстяное одеяло, на подушке, набитой пером, которая согревала её и ободряла. Ночью топились печь, освещая комнату красными отблесками. Точно так же что-то трепыхалось в её груди и в животе. В какие-то моменты Дара радовалась и была полна надежд, а вслед за этим её охватывали отчаяние и стыд. Бесчисленное количество раз она пересчитывала яблоки, лежащие на шкафу. Это была единственная комната в её жизни, в которой пахло яблоками. Только здесь, в этой комнате, Дара чувствовала себя хорошо, её переставало тошнить и она спала как ребёнок. С новогодней ночи до сочельника Дара думала о ребёнке, который рос в ней, а потом решила рассказать всё матери. Мать молчала, а Дара тогда подумала, что мать вообще не понимает, насколько это серьёзно, или просто глупа. Не понимает, в каком она положении. Дара не могла рассказать матери, как ей одновременно и больно, и радостно из-за того, что у неё будет Его ребёнок. Из-за ребёнка. Деревенские рожают, потому что это нормально и естественно, а Дара хотела родить «по любви». Она укрылась от матери в комнате, чтобы не видеть её лица. Дара лишь успела увидеть, как у матери задрожали руки и опустились плечи.

Рождественским утром Дара увидела согнутую спину отца, сидящего у печки. Они даже не поздоровались. Отец сказал: «С сегодняшнего дня ты для меня умерла!»

От того белого рождественского утра у Дары остались лишь воспоминания об огне в печи, сильной сутулой спине отца в изодранной куртке, пахнувшей сараем, о матери, которая тайком плакала за домом, а потом бежала поодаль за Дарой с корзинкой в руках, спотыкаясь и падая в снег, о себе самой, убегающей без оглядки, и запахе яблок, которого ей всегда будет не хватать.

А сейчас судьба вновь играла с ней и её ребёнком.

Вчера вечером сын снова задал Даре тот же вопрос.

– Что всё это значит? Ты не знаешь, кто мой отец?

Он мальчик. Даже если он будет любить меня больше всех на свете, ему все равно нужен отец, чтобы он восхищался им. Мать просто любят, чему тут восхищаться. Дождусь ли я, когда сын поймет, что есть правда, а что ложь?

– Я вовсе не идиот! – сказал сын срывающимся голосом. – Или ты так не думаешь? Думаешь, я не могу чего-то понять? – и Неманя посмотрел на Дару с презрением. На нежном лице тринадцатилетнего подростка между бровей появилась морщинка, которой было не место на прыщавом лбу.

Неманя был коротко острижен. Глаза тёмные, глубоко посаженные, от волнения кажущиеся ещё крупнее, а над верхней губой виднелся тёмный юношеский пушок. Неманя вытирал нос рукавом и озабоченно чесал голову. На тыльной стороне ладони мальчика, которая скоро должна стать ладонью мужчины, шариковой ручкой, расцарапавшей кожу до крови, был нарисован скелет, а ногти посинели от озноба, вызванного волнением.

Дара смотрела на сына, пытаясь подобрать слова. Сейчас не стоило ни кричать, ни оправдываться. «Если я буду его утешать, будет ещё хуже».

– Не дерьмо волосы. Слышишь, что я тебе говорю? – сказала Дара строго, пытаясь сменить тему разговора.

– Да какое тебе до этого дело? – ответил Неманя и плюнул на пол.

Мать ударила его по щеке и замерла.

– Обманщица! – закричал сын, повернувшись к ней. – Давай, бей, бей! – крикнул он, храбро выпятив грудь.

Дара села на край кровати, опустила голову и затихла. Неманя отвернулся к стене. Он сидел, сжавшись, и только его руки постоянно двигались, отрывая кусочки резины от ластика и скатывая из них шарики. Неманя кидал шарики в стену. Дара ждала, когда он заговорит.

Немане показалось, будто мать не дышит.

– Мама, – позвал он обеспокоенно.

Дара подумала о том, каким беспомощным выглядит испуганный ребёнок.

– Мам, у тебя голова болит? – спросил Неманя, посмотрел в угол комнаты и увидел там скорченную тень с бледными руками.

Дара растерялась, заметив в темноте обеспокоенный взгляд сына.

Дара села рядом и взяла Неманю за руки, прислонив его холодные и мокрые ладони к своему лицу.

Напряжение прошло. Сын словно ждал этого и спросил мать совсем о другом.

– Ты помнишь Билян, которая сидит со мной за одной партой?

Дара вспомнила худенькую девочку и догадалась, что в последние дни смятение сына было связано с сердечными делами. Она затаила дыхание, чтобы вселить в сына уверенность. Он мог бы рассказать ей о том, что его волнует. Может, пришло время, и Дара тоже сможет ему открыться?

– У неё недавно умер папа и она сказала мне: «Тебе повезло, что ты не знаешь, как это, когда у тебя умрёт отец!» Представляешь?

Дара смотрела на сына, ожидая, что он скажет ещё что-нибудь.

– А её мама в сумасшедшем доме.

Дара впервые разглядела в сыне подростка, которого мучают проблемы созревания. До этого дня она делала вид, что не замечает этого.

Дара хотела ответить Немане, что дети много выдумывают и говорят ерунду, и иногда не могут принять правду и объяснить её. Не знают, что происходит на самом деле. А родители думают, что защищают детей своим молчанием.

– Я в последнее время и сама не знаю, что сказать, – ответила Дара.

Они вдвоем сидели на кровати.

– Биляна сказала, что её родители не любили друг друга, – сказал Неманя, думая о чём-то своём.

– Откуда она знает? Этого никто не знает, – ответила Дара.

– Она не виновата в этом, – сказал Неманя.

– Дети никогда не бывают виноваты в этом.

Дара думала, как рассказать Немане о его отце, чтобы снова не солгать.

Маленькая комната мальчика погружалась в темноту, изредка освещаемая светом фар с улицы. Рассказывая обо всём, Дара словно заново знакомилась со своим сыном.

Она рассказала Немане, что познакомилась с его отцом на вечеринке первокурсников. Он был популярен – студент-продекан медицинского факультета, сын известного профессора патологии. Несмотря на то, что Дара была скромной девушкой, её выбрали королевой вечера. Он вручил ей ленту победительницы. Тогда они впервые танцевали. Дара не умела танцевать, и он смеялся.

У него всегда было две-три девушки, но Дара была счастлива, когда он звал её на свидания. Целый год они встречались тайком.

Дара хорошо помнила один случай, словно он произошёл вчера. Они с подружкой сидели в первом ряду на показе популярного фильма. Позже всех пришел отец Немани со своей официальной девушкой. Они вошли и сели в середине зала, в десятом ряду. Люди в переполненном зале поднимались со своих мест, чтобы их пропустить. Девушка была ухоженная, с русыми волосами и скучающим выражением лица. Она медленно шла за ним, пока он, как джентльмен, пробивал ей путь. Они сели на свои места, погас свет. А Дара рыдала на протяжении всего фильма.

Она не знала, как объяснить сыну то, что произошло после встречи в кинотеатре. Как отец Немани приезжал за ней на «папиной» роскошной машине. Иногда часто, иногда редко – когда ему взбрело в голову. И как они уезжали целоваться в темноте.

Как объяснить ребёнку своё счастье, когда тот парень позвонил ей после стольких недель молчания? Он то звонил и говорил ей красивые слова, то пропадал на целый месяц. Дара мечтала о том дне, когда он поймет, как она любит его, оценит её по достоинству, приведёт к матери и отцу и попросит её руки.

Это может понять только женщина!

«Я – отец твоего ребёнка?! Раскажи это кому-нибудь другому!» – именно так начиналась история о том, как появился Неманя.

Дара, конечно, не рассказала об этом. Для неё та любовь была единственной и самой главной. Её нельзя было обесценить, как нельзя было обесценить ребёнка, растущего в утробе, который самым своим существованием словно подтверждает, что жизнь сильнее глупости.

Ребёнок, сердце которого бьётся в твоих жилах, и который заявляет о своём существовании, стоит выше всех человеческих измен, выше обмана и крушений, выше упущенных возможностей. Ребёнок остается единственной истиной для женщины, которая не отречётся от любви, потому что тем самым отреклась бы от самой жизни. Это было только Дарино решение, ради которого она отреклась от всего мира, и «разумный» мир отрекся от неё, считая её легкомысленной и безответственной, неосмотрительной женщиной. Возможность подарить жизнь в тот момент, когда жизнь её предала, стала её победой над бессмыслием.

И за это нежелание отказаться от любви Дара расплачивалась сейчас вместе со своим ребёнком, продолжая верить, что не ошиблась.

«И что теперь?» – спрашивала она себя.

Можно придумать любую историю, но не ребёнка. Ребёнок или есть, или его нет. Новый раб Божий. Ребёнок требует пищи. А потом требует объяснений. Требует от тебя правды, как когда-то требовал пищи.

– Сынок, я и сама хотела бы знать, что здесь правда, чтобы рассказать тебе, – тихо сказала Дара, сидя в темноте.

На столе остались лежать мелкие крошки от ластика и карандаш со сломанным стержнем.

– Он не хотел тебя признавать, – сказала Дара. – Делал вид, что мы не знакомы, когда встречал меня в институте с большим животом. Он тогда был ассистентом-стажёром. А я ушла из института на втором курсе. Он женился как раз тогда, когда ты родился.

Дальнейшую историю Неманя знал. Пока он рос, мама закончила школу акушерства. Они снимали квартиру. Мама очень любила бабушку Лилу, квартирную хозяйку, ухаживала за ней. Бабушка Лиля стала для Немани почти родной, другой бабушки он не знал. Она часто оставалась с ним, особенно когда мама работала посменно, в ночную или дневную смену. Бабушка читала ему сказки перед сном. У них был кот Вася и они были счастливой семьей. А потом бабушка заболела. Неманя и мама плакали, когда хоронили ее. Вскоре умер и кот Вася. Тогда Неманя понял, что значит, когда кто-то умирает. В нём поселился страх за то, как они теперь будут жить одни.

После того, как бабушка умерла, квартира осталась им.

Дара считала, что теперь они могут быть спокойны. Больше всего она волновалась о том, как им продержаться от зарплаты до зарплаты.

Она помнила годы инфляции: 91, 92, 93. Тогда Дара только начала работать. Неманя был маленький, ходил в ясли, потом в детский сад. Дара работала за пять марок. Она не могла оставить ребёнка одного, чтобы работать сверхурочно и заработать побольше денег. А больше всего Дара боялась, как бы ребёнок не простудился и у него не поднялась температура, потому что тогда его могли отправить из детского сада домой.

В то время Дара работала на временной работе и даже подумать не могла о том, чтобы взять больничный. Она не хотела просить помощи у родителей. Они с тётёй Лилой как-то выкручивались.

Если осень и зима проходили без простуд, Дара была счастлива, словно выиграла в лотерею. Ей больше ничего не было нужно.

Об отдыхе с ребёнком Дара могла только мечтать. После бомбардировок какие-то организации из Греции повезли детей на море для поправки здоровья. Неманя поехал на море с другими детьми на двадцать два дня, бесплатно. Вернулся весёлый и здоровый, с подарками, которые раздавали всем детям. Привёз одежду, кроссовки, фотоаппарат и витамины. Все были довольны.

Дара вспомнила бомбардировки и подумала: «Как же мы могли так быстро забыть тот ужас?»

В 1999 году, когда на Белград и рядом с ним начали падать бомбы, Дара уже всю работала. Она не хотела оставлять ребёнка дома одного, но надо было идти на работу. Матерям, у которых были дети в возрасте до семи лет, разрешали оставаться дома. Немане было одиннадцать. Поэтому они вместе вставали рано, около пяти утра, чтобы к семи приехать в больницу.

В ту ночь, когда в двухстах метрах от родильного отделения бомбили военные здания, Дара не работала. В ту смену работала ее коллега Мира. Мира была добровольцем в каждую смену и заменяла медсестёр, у которых были дети. Когда все кричали и бежали по коридорам в бомбоубежище, Мира бегом возвращалась оттуда по тёмным лестницам, вбегала на пятый этаж и выносила на руках детей. Она бежала с двумя живыми свертками в руках, стараясь не ушибить их в спешке. Когда все дети были перенесены в бомбоубежище, Мира вновь возвращалась на пятый этаж, в палату интенсивной терапии. Она не могла унести детей, которые находились в тяжелом состоянии, и недоношенных младенцев, потому что многих из них нельзя было перемещать. Дети, подключённые к кислороду и исколотые иглами по всему телу для внутривенного вливания или приёма лекарств, боролись за свою жизнь. А Мира оставалась с ними всё время, пока не заканчивалась воздушная тревога.

За это Дара любила Миру. Они были лучшими подругами и коллегами. А Мира любила Неманю, словно родная тётка. Она заменяла Дару на дежурствах, когда это было необходимо, особенно когда Неманя был маленьким. Иногда, когда Дара дежурила, Мира приходила посидеть с ним.

Работы в больнице было много и днём, и ночью. На удивление, пациенток в родильном отделении стало больше. В те дни Неманя сидел в рабочее время в сестринской комнате и рисовал выдуманные комиксы, в которых было много танков и оружия, а побеждали только бедняки и храбрецы. И достойные люди. Весь земной шар ополчился против маленького Немани и его друзей и подруг. «Странно», – говорил он, – «почему нас никто не понимает?». Он не боялся ни сирен, ни воя ракет, и бесстрашно наблюдал из окна за ночным «салютом».

Неманя испугался только однажды, когда он был один дома. В то утро ракеты упали на посольство Китая, и в Новом Белграде из оконных проемов повывлетали все рамы. Вокруг всё взрывалось. От взрыва, похожего на землетрясение, Неманя упал на пол. Когда завывли сирены, он прибежал на кухню и спрятался под столом, свернувшись там клубочком, спрятав лицо и руки, и приготовился к концу.

Дара услышала, где произошел взрыв, и попыталась позвонить домой. На телефонные звонки никто не отвечал.

Она убежала с работы, остановила первую попавшуюся машину, которая подвезла её, затем с громким плачем перебежала через мост и побежала по улице, где остановила другую машину, которая тоже подвезла её до какого-то места, откуда Дара, запыхавшись, побежала дальше. Люди с беспокойством и сожалением смотрели на женщину в беде. Когда Дара открыла входную дверь, воздушная тревога давно закончилась, а Неманя, скорчившись, молча лежал под столом на кухне. В руках он сжимал фигурку Супермена, которую ему подарили, когда он был совсем маленьким. На его лице были видны высохшие следы от слёз.

Дара тихо опустилась на пол и молча обняла сына.

– Я думал, ты никогда не придёшь, – сказал Неманя.

С того дня Дара не ходила на работу, пока не закончились бомбардировки.

Она не забыла о том случае. Дара боялась надолго оставлять Неманю одного. И по сей день она возвращалась домой бегом, почти никогда не позволяя себе пойти прогуляться с подружкой где-нибудь в центре.

Незаметно пролетели детские годы. Неманя родился в 1988-м. Целое десятилетие его мать сама заботилась о том, как его вырастить. Разве в таких условиях можно всё предусмотреть?

Главное, что все живы и здоровы, всегда думала Дара и чувствовала себя победительницей. Что же случилось теперь?!

И о чём думают дети?

И Неманя ждал кого-то, не только она. Кого-то, кто должен был вернуться из далекого путешествия. Он часами смотрел в окно и ждал, когда Дара придёт с работы или из магазина. Были ли у него планы на будущее? Были. Он хотел, чтобы что-нибудь изменилось.

Когда Неманя был маленьким, он соревновался сам с собой, думая: если я буду хорошо себя вести, папа обязательно приедет. Если буду хорошо учиться, мы с мамой больше не будем жить одни. Когда Неманя подрос, он тихо плакал ночами, чтобы мама не услышала. Мужчина, который просыпался в нём, наказывал его угрызениями совести, чтобы потом наказывать и его мать. Неманя обижал мать, потому что был слишком слаб, чтобы расти без отцовской помощи.

«Я чуть не потеряла его», – подумала Дара. Она поцеловала и обняла Неманю, и ей стало больно от воспоминаний о молчании своих родителей и о годах, проведённых без них.

Во время нападения НАТО отец прислал телеграмму. Короткое сообщение «Приезжайте домой». Дара на него не ответила.

Каждый год в конце октября мать украдкой посылала ей яблоки с соседом, который ездил на рынок на грузовике. Он подъезжал к Дариному дому, оставлял на кухне мешок яблок и выпивал рюмку ракии. Говорил он немного, не рассказывая ничего особенного о матери и отце, и быстро уезжал, чтобы не пропустить торговлю. «Они в порядке», – говорил сосед. – «Как обычно». «Как обычно?» – думала Дара. Ей не хотелось больше ни о чём спрашивать. Перед Новым годом, несколько дней назад, сосед неожиданно привез корзинку сыра. «Мать просила передать тебе, что у них родилось три пары ягнят-близнецов», – сказал он без вступления.

Неманя, который в это время завтракал на кухне, с любопытством взглянул на мать:

– Я могу на них посмотреть?

– Дедушка бы тебе обрадовался! – ответила Дара. Ей захотелось поехать на Тару⁶. Скоро начнутся рождественские каникулы. «Нам тоже есть, куда поехать», – подумала она.

Даре стало весело. Она расскажет Немане о поездке сразу после Нового года, удивит его.

– Человек, у которого есть семья, никогда не останется одиноким, – вместо этого сказала она.

Неманя посмотрел на неё.

– И когда её нет, он тоже не один, – сказал он.

– Надо знать свои корни, – сказала Дара Немане и подумала о его отце. – Жизнь всё расставит по своим местам, – заключила она без дальнейших рассуждений.

Неманя поднялся. Квартира утонула в темноте. Он зажег свет.

– А ведь мой папа мог и умереть, правда? – спросил он Дару, стоя в дверях.

– Но он жив, – ответила Дара.

Неманя подошел к матери, чтобы обнять ее. Дара улыбнулась, почувствовав знакомый запах.

⁶ Тара – горный массив, расположенный в западной части Сербии

Дым, поваливший из кухни, заставил их подбежать к плите. Булочки, которые Дара пекла для пациенток, пригорели.

– Я завтра схожу в пекарню и куплю другие, – сказал Неманя.

Неманя вспомнил о новогоднем волнении по поводу подготовки к празднованию в гостях у друга из параллельного класса. Целыми днями они втроём планировали, что будут делать в новогоднюю ночь, выбирали музыку и придумывали сценарий. Раньше им всё организовывали родители.

Вечер они провели в хорошем настроении. Дара нарезала варёные овощи, чтобы смешать их с домашним майонезом. Часть салата она отнесет в больницу, а часть отложит для себя и Немани на первый день Нового года. Дара припрятала в морозильнике любимый торт её сына.

Неманя выбрал кассеты и пошел в комнату. Он тайком вытащил из ящика стола шкатулку, сделанную им на уроке труда, на которой целыми днями вырезал узоры, чтобы подарить ее Биляне.

Неманя с сомнением посмотрел на шкатулку. Не глупый ли это подарок?

Он выбрал геометрический орнамент и теперь раздумывал. Может, написать в углу букву «Б»? Или «Н»? В конце концов Неманя решил, что не будет писать ничего, кроме года. Пусть это будет обычный новогодний подарок.

Понравится ли ей шкатулка?

А как Биляна будет встречать Новый год? Она сейчас одна, с бабушкой и дедушкой. Как бы это узнать?

Он мог бы спросить, не хочет ли она пойти встречать Новый год вместе с ним и его друзьями.

«Может, положить ей в шкатулку конфеты?» – подумал Неманя. Ему пришло в голову, что мама может знать, что нужно сделать.

«Не буду спрашивать. И без конфет хорошо», – решил он.

Дара прислонилась к двери комнаты сына, который бережно полировал шкатулку. Неманя задумался и не заметил мать. Его склонённая фигура напомнила Даре о его отце. Как он похож на него! Дара почувствовала, что ей одновременно стало приятно и неуютно.

Будет ли он другим?

Он уже другой!

«А вдруг он забудет мать ради какой-нибудь Биляны?» – самолюбиво подумала Дара и вспомнила старую госпожу Евремович, над которой они с Мирой смеются каждый день, женщину, которая постоянно следит за своим пятидесятилетним сыном, не давая ему вырасти.

«Надеюсь, я не буду такой.»

Дара на цыпочках ушла в свою комнату и заснула раньше, чем Неманя.

Оба спали спокойно.

Зов

Вечером Милияна вновь долго не могла заснуть, дожидаясь, когда Слободан вернется домой. Неизвестно, сколько было времени, когда она услышала звук ключа в замке. Только после этого Милияна отвернулась к стенке. Прежде чем заснуть, она вспомнила, что не получила от Богдана новогодней открытки. Хотя это не так важно. Важно узнать, что происходит с её братом. Что происходит? Милияна уже долго беспокоилась о брате. Ей казалось, что он что-то скрывает. «В какую историю он влип на этот раз?» – подумала Милияна, засыпая.

Утром, после множества выполненных дел и забот, Милияну охватила ярость.

«Я не буду больше это терпеть» – злилась Милияна, намазывая брату масло на булку. «Эгоистичный, избалованный, не думает ни о ком, кроме себя, живет одним днём.»

Она положила бутерброд на тарелку и накрыла подносом кружку с кофе, чтобы он не остыл, пока Слободан не проснется. Наверное, он все равно остынет к тому времени, как брат встанет. Милияна прибавила температуру на термостате и продолжила в мыслях ссориться с братом.

«Безответственный! А мне-то что делать с ним? Я и свои-то проблемы не могу решить. Выскажу ему всё, не пожалею.»

Настало время ему прекратить играть в жизнь. Ему уже двадцать шесть! А он ничего не делает. Вообще ничем не занимается и не думает о будущем.

Милияна беспокоится и за больных родителей. В прошлый раз они сказали, что счастливы потому, что их дети встали на ноги, и им не жаль, что они всё продали и вложили деньги, чтобы послать детей учиться в Белград. Отец говорил, что им почти ничего не нужно, скрывая, что у них нет денег, чтобы купить билет на самолёт до Белграда, куда он и его жена обычно приезжали на Новый год.

А брат лежит себе и спит. И не проснётся до полудня!

Они солгали родителям, что Слободан уже выбрал тему для диплома. Брат уговорил Милияну сказать неправду уже после первых экзаменов, которые он не сдал. «Чтобы не беспокоились», – говорил он ей. Они обманывали родителей уже два года. Милияна думала, что это была её ошибка. Нужно было сразу сообщить родителям о долгах брата, когда это только началось. Девушки бегали за Слободаном и сходили по нему с ума, а он сходил с ума по азартным играм.

Милияна сказала квартирной хозяйке, что в этот раз их родители не приедут, и объяснила, что они будут ждать их на Рождество дома, в Херцег-Нови⁷. «Приезжайте, погреейтесь на солнышке», – с нетерпением сказала мать по телефону несколько дней назад.

Так как мать была прикована к инвалидной коляске, родители обычно добирались до Белграда на самолёте. Ездить на поезде им было сложно. Родители привозили пакет лимонов и мандаринов, а мать Босилька держала в руках ветку цветущего розмарина. Всегда.

Отец носил шляпу и твидовое пальто тёмно-серого цвета. В дорогу он надевал костюм, вручную сшитую портным белую рубашку с длинными манжетами, на которых белели пуговицы из слоновой кости. Даже зимой он путешествовал в начищенных до блеска ботинках.

Босилька была красавицей. На голове она всегда носила пучок. Дети редко видели её роскошные волосы даже когда были маленькими. Им казалось, что их мать скрывает в своей сдержанной причёске какую-то тайну. Мать приезжала в Белград в небрежно накинутой на плечи серой норковой накидке, которую отец привез ей из Рима на десятую годовщину брака. От неё пахло морем и мимозами. Скромная и простая, мать была наделена тем врожденным изяществом, которое часто встречается среди женщин с приморья. Она носила одежду светло-

⁷ Херцег-Нови – город в Черногории

серого и белого, реже жёлтого цвета. Мать никогда не носила ситцевого платья поверх ночной рубашки, какое носят другие матери воскресным утром. Она надевала белое вышитое платье, тёмно-синее шёлковое платье в горошек, какую-нибудь ажурную шаль, дорогие классические итальянские туфли. Проверенное качество.

После автокатастрофы все были рады, что мать вообще осталась жива. Она и сама не кляла судьбу. Когда мать вышла из комы, то первое, что она сказала Милияне, которая тогда только поступила в институт, была просьба, чтобы она берегла брата. Брат всегда был для них драгоценностью, в особенности потому, что он родился раньше срока и еле выжил. «Я вырастила тебя из килограмма мяса», – говорила ему мать. И берегла его. Времена меняются, но в Черногории дочери до сих пор отказываются от наследства в пользу братьев. Дочерей учат, а сыновей берегут.

Милияне это не мешало. В её генетическом коде словно было зашифровано правило: отдать и простить. Только сейчас, страдая из-за Богдана, она поняла, что была слишком понимающей по отношению к мужчинам. Она ошиблась. Жестоко ошиблась!

Милияна допустила ошибку, идя на поводу у брата. А прощая ему все, она точно так же поступала и со своим парнем. Милиянина мать ни разу в жизни не повысила голос на мужа, но только из-за того, что у него был прекрасный характер. И это вовсе не было правилом. Милияна часто думала, что мама неправильно её воспитала.

Дети всегда встречали пожилых родителей в аэропорту. Родители приезжали с чемоданом на колёсиках с ручкой из крокодиловой кожи, сделанной африканскими колонистами. Это был подарок на их свадьбу, который дедушка Джордже привез из Африки, из своего последнего капитанского путешествия на югославском морском пароходе «Адриа».

Дедушка с бабушкой Милияной любили друг друга, как в сказке. Бабушка была счастлива, когда наконец-то дождалась мужа после стольких лет, за время которых она родила ему единственного сына Митра, отца Милияны и Слободана.

Дедушка был на двадцать лет старше бабушки. Но девушка из богатейшей семьи Котора⁸ сбежала с ним против воли родителей и стала гордой Милияной Кнежевич, известной своей красотой не только в Херцег-Нови.

Её тезка едва помнила свою бабушку, но зато носила и её фамилию.

В лице Митра можно было разглядеть черты покойного отца-путешественника и утонченность покойной бабушки. Сам отец путешествовал немного. Он учился в Белграде, потом специализировался в Риме, несколько раз бывал в Германии и Австрии. Отец был камнем из Которского залива, и весь его мир простирался до его горизонта. Он закончил курс медицины первым в своём поколении и вернулся работать в Херцег-Нови. У него всегда был какой-нибудь взрослый или маленький пациент, из-за которого Митар не хотел надолго уезжать из города. Его и по сей день помнят как лучшего семейного доктора.

«Может, это единственная идеальная пара, которую я знаю?» – думала Милияна о своих родителях.

Мама закончила литературный факультет в Сараеве, встречаясь с будущим мужем только летом и зимой. Она писала ему письма и училась. От письма до письма.

После длительного ожидания и разлуки во время учебы, отец, наконец, вернулся. Он привез из Белграда бриллиантовое кольцо к помолвке и уехал в Зеленику, чтобы принять на себя управление заброшенной больницей общей практики. А его молодая беременная жена пошла работать учительницей. Только когда Милияна и её брат пошли в первый класс, мать начала преподавать литературу в гимназии. Они переехали в родовое гнездо деда Джордже, дом, который возвышался на скалах над городом.

⁸ Котор – город в Черногории

Дом стоял немного поодаль от других, в окружении хвойных деревьев, бугенвиллей и ползучих роз, с садиком внизу, под сенью виноградной лозы, с каменной дорожкой, ведущей к скамейке под кипарисами. Оттуда можно было смотреть на море в одиночестве.

У кого не было такой скамейки, до которой долетал аромат соли и мистраля, смешанный с запахом хвои, тот не мог знать, что такое счастье по месту рождения.

«Как всё было просто!» – думала Милияна. Она росла в защищённом и прекрасном месте, с родителями.

Милияна посмотрела на часы, затем на брата. Она заканчивала свои дела по дому и искала бумаги, истории болезни, которые разложила по порядку ещё вчера, перед сном. Почти всё было готово.

Главное, не забыть про подарки. Может, стоит рассказать всё отцу? Могло бы это помочь? Нет. Милияна вспомнила тёплое выражение лица отца, полное гордости и доверия. Он бы просто угас.

Нет, это не поможет.

Отец говорил, что не жалеет о том, что они одиноки в старости, потому что знает, что с его детьми всё в порядке и у них есть перспективы в большом городе.

«Это большой мир!» – говорил отец о Белграде, хотя и сам был потомком искателя приключений, старейшей капитанской семьи Херцег-Нови. Все говорили, что у Джордже Кнежевича не дом, а музей под охраной государства.

Когда пришла новая власть, муниципальные власти сообщили, что их земельные владения не приватизированы, и все поместье, кроме старого дома, было распродано военным спекулянтам из Подгорицы, разбогатевшим на контрабанде.

Им почти удалось закрыть и разрушить мозаику, которая искрилась во дворе. Тот коллаж смастерили которские мастера в начале двадцатых годов, и двор был маленьким сокровищем города, занесенным в список достопримечательностей старой архитектуры Херцег-Нови, которым хвастались старожилы.

На фреске были изображены растения, разноцветные камушки и русалка на скале, отражающаяся в голубой воде и украшенная зелёными, голубыми и золотыми ракушками и рыбками. У неё были длинные золотистые волосы и серебристый хвост, зелёно-голубые глаза. Русалка лежала полубоком, стыдливо прикрывая грудь.

По двору бегали маленькие Милияна и Слободан. Русалка стала для них бессловесной сестрой, которая следила за тем, как они растут. Самым прекрасным моментом любого возвращения домой были шаги, сделанные по тому двору, выложенному разноцветной мозаикой.

«Родители вложили в наше образование все свои средства, а мы до сих пор снимаем квартиру. Какой абсурд! Может, некоторые жертвы просто бессмысленны? Может, все ошибались? Есть же растения, которые не приживаются, если их пересадить в другую землю.»

Казалось, что жизнь – всего лишь иллюзия.

«Как только проснется Слободан и мы сядем за стол, я всё ему выскажу», – думала утром Милияна.

Она скажет брату, что этот мир рушится, и не по их вине.

Квартирная хозяйка попросила их съехать сразу же после школьных зимних каникул. Милияну уволили с работы. Они больше не нуждаются в её «профиле»! Милияна должна отработать месяц. Она могла подать жалобу. Все это подстроила директор отделения. «Да она просто сучка», – подумала Милияна и решила, что именно так и скажет брату. А то, что Милияна была «потрясающей студенткой», никак не повлияло на её карьеру и не могло защитить от несправедливости. Она понимала, что в чужом городе ей никто не может помочь. Без поддержки и связей, с помощью которых всё вокруг работало, она ощущала себя беспомощной. Если бы её отец был известным доктором в Белграде, то всё было бы по-другому. Даже если бы у Милияны было в половину меньше ума, чем сейчас. Она не знала, что делать, и уж тем более

не знала, что делать брату, который ушел из университета, поступил на тренерские курсы и попал в незнакомую сомнительную компанию.

Хуже всего, что брат не понимал серьёзности их ситуации. Он только развлекался и всё больше влезал в долги.

И, кажется, это было не самое худшее.

Когда брат приехал к ней в Белград, чтобы изучать право, его спортивная карьера в ватерполо была в самом расцвете. Они считали, что интерес к спорту пройдет, когда закончится молодость, и нужно закончить институт, чтобы получить профессию.

Милияна подошла к кровати брата, перебирая в уме все слова, которые хотела сказать, когда он проснется. И отступила. Милияне было жалко его будить. Её беспокойство за брата победило даже страх перед будущим. Милияна постепенно замечала, как её весёлый и беззаботный брат становится растерянным и рассеянным. Но она ни о чём его не спрашивала.

«Не в первый раз у нас возникают проблемы, решим как-нибудь», – подумала Милияна, отгоняя сомнения.

Она догадывалась, как отреагирует брат, когда она расскажет ему про одного идиота на работе, который пристаёт к ней во время дежурства. Смешной дядечка, но никто не может с ним сладить. Все знают, что он такой, тут даже и говорить не о чем. Почти комично. «Если бы мои родители узнали, для чего они меня учили, у них бы сердце не выдержало. Расскажу брату, как этот идиот гоняется за мной по процедурной, когда мы одни, так и бегаем по комнате вокруг столов, как дети. Да, весёлого здесь мало. Приходится выбегать в коридор. А все уже знают, что происходит, потому что он и за другими гоняется. Поэтому все только смеются и говорят: „Что с дурака возьмешь!“. Все думают, что им завтра будет нужна защита, потому что у них совесть не чиста.» Милияна хотела рассказать это брату, чтобы встряхнуть его, но передумала.

Она посмотрела на спящего брата и шепотом позвала его: «Слободан».

Юноша лежал, обняв кровать руками и ногами. Он выглядел как ребёнок, который хочет объять весь земной шар.

Он был настоящий красавец, высокий, длинноногий, мышцы на его руках поигрывали даже во сне, а кожа была белая, нежная, как у девушки. Колючие русые волосы, современная причёска с бачками, спускающимися по щекам, длинными, словно у английских денди. Нос мужественный, орлиный, брови тёмные, заострённые, а под ними, в мягких впадинках, словно горлицы в своих гнёздах, глаза, укрытые густыми и длинными ресницами.

Для брата полдень это «слишком рано». Он отмахнулся.

С утра Мире нужно было закончить много дел – составить отчёт за декабрь, разложить оставшиеся выписки из медицинских карт. Директор отделения спрятала от Милияны эти выписки, словно злая мачеха, и передала ей их уже тогда, когда было слишком поздно для того, чтобы сделать всю работу до конца года. Но Милияне удалось сделать всё вовремя. Ей осталось только сложить бумаги и сдать их после обеда, перед выходом на дежурство.

Если бы не это, Милияна, может быть, успела бы сходить к парикмахеру, сделать «праздничную» причёску. Хотя ей было все равно.

Поэтому пусть всё будет как есть! Может, ей стоит тщательнее накраситься? Она встретит новое тысячелетие на работе. Милияне казалось, что это лучший вариант для сегодняшней ночи.

Она бы с большим удовольствием легла спать в эту ночь. Все равно ей предстояло бы встречать Новый год в одиночестве.

Наверное, есть смысл встретить Новый год в палате номер 39, с теми женщинами, которым необходима её помощь. И новогодняя ночь будет не такой тоскливой.

Где же Богдан? Милияна встретит Новый год на семь часов раньше, чем он. Ей показалось, что это почти символично. Они впервые будут разделены во времени и не поздравят друг друга с Новым годом в одно и то же время. И в душе они уже далеко друг от друга.

Мира взглянула на стол, где лежали упакованные в подарочную упаковку блокноты, предназначенные для медсестёр Дары и Миры и её пациенток. На обложках блокнотов были разные картинки: цветы, животные, дети, пейзажи. На каждом блокноте было написано имя женщины, которая получит его в качестве подарка, а на первой странице Милияна написала:

«ЖЕЛАЮ ВАМ ВСТРЕТИТЬ НОВЫЙ ГОД ТАКИМИ ЖЕ ХРАБРЫМИ И ТЕРПЕЛИВЫМИ, КАКИЕ ВЫ СЕЙЧАС! ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ИСПОЛНИЛИСЬ ВСЕ ВАШИ САМЫЕ ЗАВЕТНЫЕ ЖЕЛАНИЯ И ЧТОБЫ ЛЮБИМЫЕ ЛЮДИ БЫЛИ ВСЕГДА РЯДОМ С ВАМИ. Я БЫ ХОТЕЛА, ЧТОБЫ ВЫ ЗАПИСЫВАЛИ В ЭТОТ КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫЕ ДЛЯ ВАС ДНИ И ИНОГДА ВСПОМИНАЛИ БЫ О ВАШЕМ ПАЛАТНОМ ВРАЧЕ МИЛИЯНЕ КНЕЖЕВИЧ.

СЧАСТЬЯ ВАМ!»

– Вставай! Давно пора! Последний день года, – теребила Милияна брата, который всё мешкал, – Сегодня надо завершить все незаконченные дела.

«Незаконченные дела» напомнили ей о долге, о котором брат говорил по телефону несколько дней назад, но не хотел делиться этим с Милияной. Эта недосказанность опечалила её. В душе стало неуютно, словно там свернулась клубком змея. Раньше брат не лгал ей.

Милияна всегда что-то анализировала. Она вела себя как человек, который знает, что делать, была совестью, ответственной, даже амбициозной. Но глубоко в душе Милияна постоянно сомневалась.

Если это не сомнение, то уж растерянность – точно.

Брат был под крылом сестры. Похолодев, Милияна поняла, что надо смотреть правде в глаза: в том пакетике, который брат спрятал в перчатку однажды ночью, когда Милияна застала его полностью одетым и сидящим за кухонным столом, было что-то белое.

– Что происходит, скажи, наконец? – задала она вопрос спящему брату. Милияна репетировала вслух. Брат должен будет ответить ей так же просто, как она будет задавать ему вопросы. Милияне казалось, что это будет легко. Некоторые вещи кажутся сложными, пока о них молчат. Когда начинаешь говорить о них, становится легче. Дело наполовину сделано. Когда брат признается ей во всем и выговорится, они вместе решат любую проблему. Да будет так!

– Да будет так! – повторила Милияна вслух.

Она подошла к окну и наклонилась к солнечным лучам, разведя руками тёмные занавески из узорчатого бархата, которым были обиты и два старых кресла. Вместе со скрипом и треском разошедшихся рам Милияна впустила яркий солнечный свет в их комнату в мансарде. Когда она повернулась, чтобы посмотреть на брата, который даже не пошевелился в кровати, то увидела, как взлетела пыль с занавесок. На тротуаре перед домом стоял чёрный автомобиль. Милияна почти не обратила на него внимания, зато заметила грязь на тропинке, поблескивающую после вчерашнего дождя со снегом. «И даже снег перестал быть белым», – подумала Милияна.

Сначала нужно было достать красиво упакованные шапку и шарф, купленные для брата. Милияна сложила их в углу, где аккуратно поставила еловую ветку, украшенную серебряными и золотыми шарами и в нескольких местах перевязанную красными атласными ленточками. На упаковочной бумаге золотилась яркая лента и записка «Для братишки».

Накануне, возвращаясь с работы, Милияна остановилась у прилавка уличного продавца. Мужчина в костюме Деда Мороза продавал шапки и перчатки. В толпе Милияна почувствовала себя неуютно. Она увидела на прилавке пёстрый шарф ярко-жёлтого цвета, с крупными красными и голубыми стрелками и длинными кистями. Шарф выглядел так, словно был детским, хотя и был слишком длинным для ребёнка. Как будто он был предназначен для большого

ребёнка, ребёнка-баскетболиста или младшего брата. И Милияна купила и шарф, и шапку для своего брата. Такой темноволосый и высокий человек, как он, будет замечен в этом ярком шарфе издали. Милияна сразу увидит его из окна или с другого конца улицы, или даже на новогодней ярмарке, среди толпы.

Звонок домофона разбудил Слободана. Он вскочил и встревоженно приник к входной двери, прислушиваясь к звукам в коридоре. Брат с обезумевшим видом повернулся к сестре и сказал ей охрипшим после сна голосом:

– Не открывай!

Его взгляд словно парализовал Милияну.

Звонок прозвенел ещё раз. Короткий, затем длинный, угрожающий. Третий звонок замолчал, оставив после себя напряжение в воздухе.

– Не впускай их!

Брат подбежал к окну и лихорадочно стал задергивать занавески:

– Бесполезно, они видели окна!

Он беспокойно придвинулся к занавеске, аккуратно отодвигая ее, чтобы лучше видеть улицу. Потом подошел к двери, поманил сестру пальцем и прошептал:

– Если позвонят ещё раз, скажи, что меня здесь нет.

Милияна подняла трубку домофона дрожащими вспотевшими руками. Она услышала неясный шум улицы, звук включения мотора и удаляющегося автомобиля. После этого снова послышался щебет птиц и детский гомон где-то вдалеке от подъезда.

Казалось, что опасность миновала, хотя бы сейчас. Когда они вернулись в комнату и задернули занавески, Милияна села рядом с братом, нервно закуривающим первую за этот день сигарету.

В ее глазах не было упрека или злости. Остался только страх.

– Ты накликаешь большую беду! – сказала Милияна.

Брат что-то сердито пробормотал.

Зазвонил телефон. Брат снова вскочил и приложил палец к губам, показывая сестре, чтобы она молчала и не брала трубку. Словно у телефона есть глаза и уши. Он нервно прошелся от кухни к комнате.

– Может, это не мне звонили? – спросил он. Впервые за это утро он вспомнил о сестре и замолчал.

Милияна вдруг подумала о Богдане.

– Извини! – сказал брат, словно оправдываясь, не смотря ей в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.